

Собеседник — 1997 — № 33 — с. 10.

ока парламент на каникулах, заместитель председателя комитета Госдумы по культуре Николай Губенко на законном основании может зациклиться на театре. «Содружество актеров Таганки» заканчивает репетиции спектакля по чеховскому «Иванову». Премьера запланирована на осень, а пока главный режиссер театра, последний министр культуры СССР рассказывает — о работе, и не только.

— Опаздывал на эту встречу и решил по старой памяти сократить дорожку. Какое там! Из театра Юрия Любимова в ваше «Содружество» не пробраться: все проходы забаррикадированы. Война продолжается, Николай Николаевич?

— Нет, все закончено. Да настоящей войны, собственно, никогда и не было. Просто однажды в страну из Израиля вернулся другой Юрий Петрович Любимов — не тот, которого мы знали с 1964 года и любили. Этот Любимов легко пошел на несправедливость, даже подлость по отношению к людям, ему безгранично верившим. Терпели, прощали, но сколько же можно? Те, кому надоело молча сносить бесконечные плевки, либо совсем ушли из театра, либо объединились вокруг меня. Чтобы не доводить до новых скандалов, разделили театральное имущество, живем абсолютно автономно. У нас общее только прошлое, но не настоящее. Правда, я знаю, что в правительстве России лежит проект документа о слиянии двух театров и создании на их базе некоего международного центра искусств.

— Центра во главе с...?

— По всей вероятности, во главе с уважаемым юбиларом Юрием Любимовым, которому 30 сентября исполняется 80 лет. При этом совершенно не берется в расчет, что театры давно обособились: и организационно, и творчески, и идейно. Такие мелочи не учитываются: ведь речь идет о царском подарке почтенному мэтру, на старости лет осчастливившему родину своим возвращением.

— Кстати, о родине. А вы, Николай Николаевич, давно навещали к пенатам?

— В последний раз я был в Одессе в 78-м году — снимал там картину «Подранки».

— Почти двадцать лет не приезжали? — Кроме факта рождения, меня ничего не связывает с этим городом. Отца с матерью давно нет в живых. Три сестры и брат, о существовании которых я узнал в шестнадцать лет от роду, так и не стали для меня близкими. Мы потеряли друг друга в годы войны, мне было тогда всего одиннадцать месяцев, поэтому я, конечно, ничего не помнил и долго даже не догадывался о родине. Позже, когда все выяснилось, мы встретились. Потом виделись еще несколько раз, но очень непродолжительно. Сестры, кажется, периодически общаются между собой, они все-таки были постарше во время войны, а мы с братом так и остались отрезанными ломтиками.

— Вы спокойно об этом говорите?

— Спокойно или нет, но таковы реалии. Тут ничего нельзя изменить — можно только принять, смириться.

— Сестры живут в Одессе?

— Одна — там, другая — на Колыме, третья — в Донецке. С братом я давно не виделся, поэтому не знаю, как он, что он... Понимаете, сестер и брата усыновили чужие люди, дали им свои фамилии, а я всю войну провел с дедом, маминим отцом. Этот простой человек — столяр, маляр, мастер-кудесник — спас меня... Уже после освобождения Одессы я попал в 5-й детдом. Помню, как дед повел меня в военкомат, в котором я числился сыном погибшего офицера, поставил на табурет и заставил читать отрывок «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдача?» До сих пор не могу понять, каким образом мне удалось в шесть лет выучить это стихотворение. Но ведь выучил же.

— Это был утренник?

— Какой утренник? Я сдавал что-то вроде вступительного экзамена в воененизированную спецшколу-интернат с преподаванием ряда предметов на английском языке. Туда принимали только по рекомендации военкома...

— Сюжет ваших «Подранков» оттуда?

— Конечно. У нас в интернате готовили будущих офицеров-переводчиков, студентов Военного института иностранных языков. Среди моих одноклассников — и дипломаты, и разведчики, и журналисты. Правда, и с ними я встречался редко. Детство — большая для меня тема, в ней отдала echo войны. Наверное, и поэтому я не очень люблю вспоминать Одессу и все, что с ней связано, — слишком уж несладким мое прошлое выдалось.

— Вы ведь родом из 41-го порохового?

— Да, в паспорте записано: 17 августа 1941 года... Родом мне заменили одесские катакомбы, где мама укрывалась от бомбежек с моими сестрами и двухгодовалым братом. Шел штурм Одессы, и люди прятались, где могли. Отца с нами уже не было — он ушел на фронт, а через год погиб под Луганском, так и не узнав о моем рождении. Он был старшим лейтенантом, служил бортмехаником тяжелого бомбардировщика ТБ-3... Мне еще не исполнился год, когда не стало матери. Я оказался круглым сиротой.

— Как погибла ваша мама?

— Подробности мне не известны по сей день. До меня дошла обрывочная информация: что-то рассказал дед, что-то я прочел в своем личном деле... Мама до войны работала главным конструктором одесского крекинг-завода, была кандидатом в члены ВКП(б). Кстати, хорошо знала немецкий язык, после прихода фашистов ей даже предлагали место в городской комендатуре, но мама отказалась. Тогда ее повесили. Это сделали так называемые немецко-румынские оккупанты.

Вы спрашиваете: как все случилось? А я до сих пор не знаю и, видимо, никогда уже не узнаю, где находятся могилы моих родителей...

— Почему вы сказали об оккупантах «так называемые»?

— Я не об оккупантах, а об их национальности. Сегодня в ходу иные формулировки, наши политики «стесняются» называть вещи своими именами. Теперь говорят о фашистских или на худой конец о гитлеровских захватчиках, чтобы не обижать наших больших друзей немцев.

— Если Станиславу Сергеевичу отворот поворот дали, то вас в Германии и по давню должны объявить персоной нон грата.

— Не сомневайтесь. Другое дело, что я и не собираюсь ехать в ФРГ.

— Решили: на немецкую землю более — ни ногой?

— Если угодно — ни ногой. Не испытываю ни малейшего желания.

— Вы ни разу не были в Германии?

— Как же? Неоднократно. У меня в этой стране много друзей, некоторые даже со студенческой скамьи. Вместе с бывшим гэдээрзовцем Зигфридом Кюном мы делали диплом по пьесе Брехта «Карьера Артура Уи». Тогда, в 1964 году, эта постановка наделала шума в околотеатральной Москве. Мы играли спектакль и в Доме кино, и по крупным дворцам культуры, что по тем вре-

бу Розенберга понадобился миллион четыреста восемнадцать тысяч вагонов. Еще четыреста семьдесят тысяч тонн украденного было перевезено в фашистскую Германию водным путем. Эти цифры назывались на Нюрнбергском процессе — том второй, страница 222.

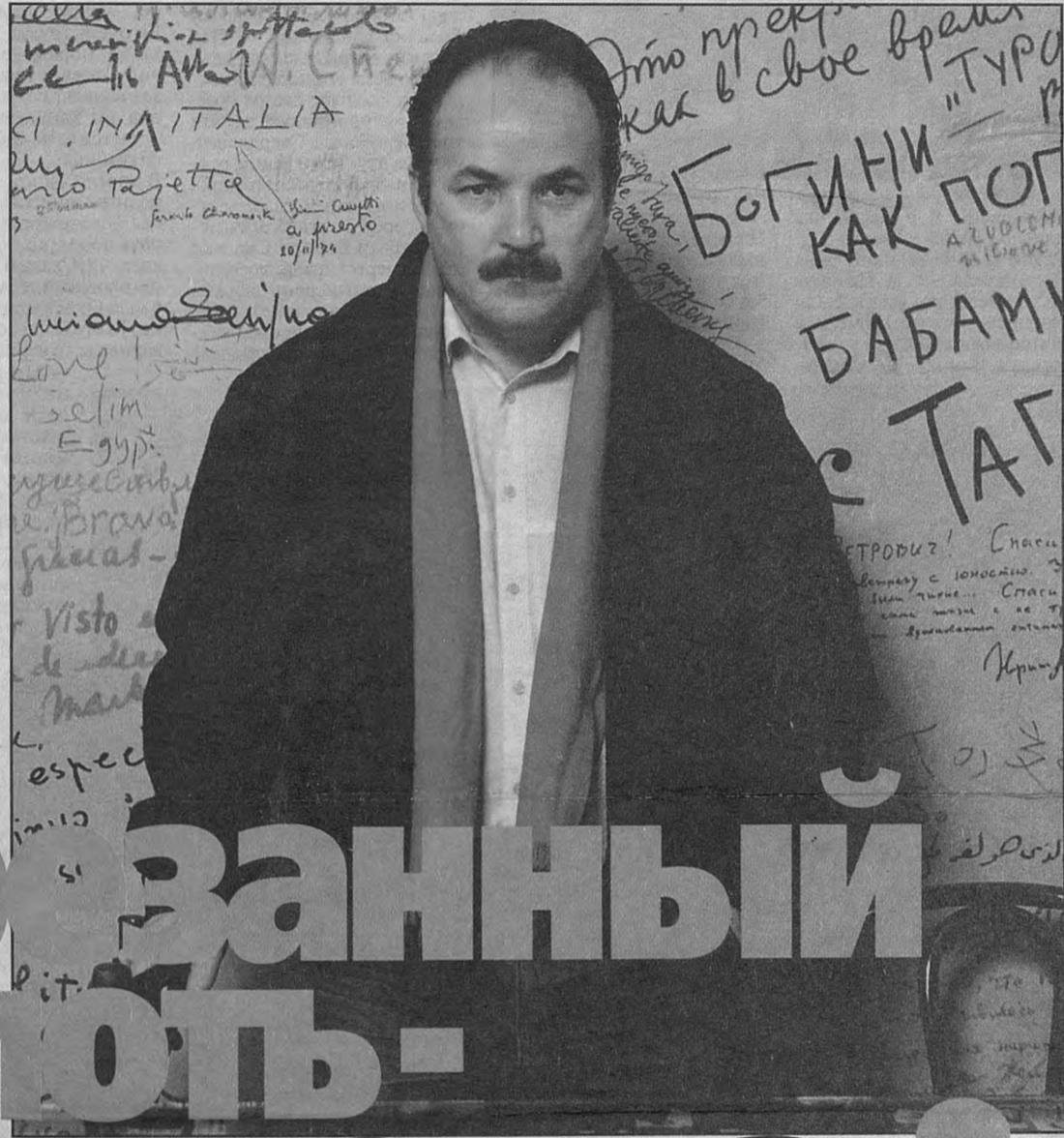
— Слушаю вас, Николай Николаевич, и не покидает ощущение, что говорю с министром культуры СССР. Вы, как часовой из рассказа Пантелеева «Честное слово»: уже и Советского Союза нет, а вы все на посту — сняты забыли.

— Меня как раз не забыли — сняли... Нет, ну какой же я министр — без реальных рычагов управления? Все, что мне остается, это публично высказывать собственное суждение о том, что делается хорошо в области культуры и что плохо.

ется муниципальным, принадлежит городу. У меня народная артистка республики получает в месяц шестьсот пятьдесят тысяч рублей и вынуждена до двух часов ночи подрабатывать продавщицей в коммерческом киоске, чтобы купить дочери-школьнице обновку. Мужчины-актеры оформляются на полставки рабочими сцены — жизнь вынуждает.

Как главный режиссер я должен был бы думать о репертуаре, о гастролях, а вместо этого голова болит от мыслей, как прокормить полторы сотни профессионалов, как поддержать в рабочем состоянии здание театра, отменное, кстати, в свое время госпремией за архитектуру.

— Вы и поддерживаете, сдавая здание в аренду оппозиции под различные поллитусовки.

фотограф Валерий Плотников

отрезанными ломтиками любовью — николай губенко

— Судя по тону, вашими друзьями они не стали?

— Не во мне одно дело. Недавно позвонил Станислав Говорухин, рассказал, что ему отказали в германской визе. Как вы думаете, почему?

— Обычно закрывают границу ранее проштрафившимся, либо тем, кто, по информации Интерпола, связан с мафиозно-криминальными кругами.

— Как вы понимаете, ни то ни другое не имеет к Славе ни малейшего отношения. Причина, вероятно, в другом. Похоже, немцам очень не нравится позиция российского парламента по закону о перемещенных культурных ценностях. Сегодня немцы выставляют нашим депутатам отметки: кто как себя ведет по отношению к великой Германии. Говорухин защищает интересы России, а не ФРГ, поэтому оценка немцев — «неудовлетворительно».

менам было большим успехом для студентов.

Нет, я не испытываю неприязни ко всем немцам без разбору, не обообщаю. Хотя, не скрою, лет до двадцати не мог спокойно слышать немецкую речь. И даже когда судьба свела меня с Кюном, я три года не принимал его. Немец! Только потом, в процессе совместной работы, стали очень хорошими друзьями.

Но сейчас я говорю не о немцах, а о германской государственной машине, стержнем которой стал реванш. Когда посол Германии в России фон Штудниц приходит ко мне на прием в Думу и говорит, что мы, русские, грабим немцев, возникает желание адекватно ответить дипломатом. Поверьте, удержаться в парламентских рамках в такой ситуации довольно сложно.

— Сыр-бор все из-за того же закона о реституции?

— Господин посол считает наш закон грабительским. А я могу напомнить, что только для перевозки похищенного в Советском Союзе шта-

— Вы и хорошее находите?

— Культуру нельзя истребить. Вне зависимости от ситуации в обществе носители национальной культуры остаются. Другое дело, что негуманно ставить эксперименты на выживание на людях, в том числе и на представителях интеллигенции. Конечно, нынешняя ситуация не может меня радовать. Достаточно сравнить голые цифры: когда я в 1989 году пришел в министерство, доля бюджетных денег на культуру составляла 1,2 процента от общей суммы, через два года эта цифра возросла до 1,8 процента. Зато сегодня на культуру выделяется из госбюджета в два с лишним раза меньше средств.

Собственно, и ходить далеко не нужно, достаточно обратиться к примеру моего театра. В отличие от Юрия Петровича Любимова, чей театр финансируется на все сто процентов, я за четыре года получил от государства лишь шельх ноль десятых субсидий. Ничего не дали! И это при том, что наш театр не акционирован, не приватизирован — оста-

— Вы спрашиваете или утверждаете? Раз все знаете лучше меня, то могли бы вообще сюда не придти. Если же вас интересует мое мнение, то слушайте. Да, я сумел за четыре года принести в театр пять миллиардов рублей. Это не манна небесная, не подарок судьбы, а спонсорские деньги, средства от продажи билетов и от аренды помещений. Кстати, мы не грешим последним, в отличие от Юрия Любимова, у которого зал использовался не по прямому назначению практически через вечер.

И партийные съезды у нас ни разу не проводились. Мы ищем арендаторов не по политическому, а по коммерческому принципу: кто в состоянии заплатить, тот пусть и пользуется залом. Недавно у нас состоялся генеральный прогон «Иванова». Скоро премьера. Театру нужны деньги, поэтому, согласитесь, глупо отказываться от возможности заработать, в том числе и на аренде. Не до жиру, быть бы живу.

Андрей ВАНДЕНКО.